

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

РОССИЯ: QUO VADIS?

Б.В. Дубин

МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг.: ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?

УДК 94(470)

В статье анализируются перемены в общественном мнении и политической культуре России накануне и после выборов 2011–2012 гг. Особое внимание уделено манифестациям общественного недовольства со стороны инициативных групп жителей Москвы и ряда других крупнейших городов России, а также возможным траекториям развития этой ситуации социального возбуждения.

Ключевые слова: Общественное мнение, выборы, общественное недовольство, пассивное большинство, инициативные группы, альтернативы развития

Key words: Public opinion, elections, social unrest, passive majority, action groups, development alternatives

Выход десятков тысяч людей на площади, проспекты, улицы Москвы и, в меньшем масштабе, еще нескольких крупных городов России, впервые имевший место после декабрьских выборов 2011 г. в Государственную думу, оказавшийся неожиданным для властей, наблюдателей да, вероятно, и для большей части самих участников, к лету 2012-го¹ стал явлением более или менее регулярным. Из сегодняшней ретроспективы я бы назвал эти события акциями не столько политического *протеста*, сколько общественного *недовольства*, имеющими скорее характер *брожения*, а не *движения*, причем наиболее ярко и массово выраженными прежде всего в *столице* (опираясь в статье на данные социологических опросов Левада-Центра, я в дальнейшем буду говорить о манифестациях именно в ней). В уличных шествиях и митингах получила социальное выражение и смысловую артикуляцию² гораздо более общая – по причинам и масштабам – неудовлетво-

ренность значительной части российского населения ситуацией, складывающейся в стране после и в результате глобального финансово-экономического кризиса, о наступлении которого власти России объявили осенью 2008 г.

НАКАНУНЕ

Хотя паническая реакция россиян на сообщение о кризисе через несколько месяцев улеглась, большинство российского населения явно почувствовало снижение темпов роста доходов, тем более ощутимое на фоне массивованных денежных вливаний со стороны властей в преддверии выборов 2007–2008 г. И отреагировало на него. Начиная с 2009 г. все более выраженными в общественном мнении становятся даваемые респондентами характеристики коллективной жизни в стране как застоя, нарастания хаоса, потери управляемости и проч. Напротив, чувство укрепления порядка, а особенно – ощущение позитивного развития проявляется теперь в массе россиян все слабее.

Важно отметить, что с 2009 г. начали снижаться массовые оценки конструктивной роли *всех* властных институтов России, включая, что совершенно не было характерно для предыдущих лет, фигуры первых лиц и силовые структуры. Кривая общественного одобрения деятельности президента и премьера на их постах пошла вниз. Только за предвыборный год (с ноября 2010 по ноябрь 2011 г.) общая доля одобряющих деятельность Д. Медведева на президентском посту сократилась на 14%, В. Путина на посту премьер-министра – на 11%. Характерно и то, что – в противоположность отмеченному падению авторитетности

Таблица 1

Что, по Вашему мнению, происходит сейчас в России – рост и развитие, стабилизация или торможение и застой?

	2007 Ноябрь	2010 ноябрь	2011 Декабрь
Рост и развитие	38	24	18
Стабилизация	31	29	32
Торможение и застой	21	32	36
Затруднились ответить	10	15	14

№ = 1600 человек

Таблица 2
Что сейчас происходит в стране?

	2007	2009	2010	2011
	XI	XII	XII	XII
Становление авторитарного режима	13	11	11	16
Наведение порядка	42	42	33	29
Нарастание беспорядка, хаоса	14	19	28	26
Становление демократии	15	9	9	11
Затруднились ответить	15	20	19	18

N = 1600 человек

властей – к 2010 г. среди россиян выросла доля поддерживающих многопартийность и необходимость сильных оппозиционных партий, способных воздействовать на власть. Эксперты тогда же расценили эти тенденции как “спрос на некоторую альтернативу монополии... власти”³.

К собственно кризису, осязаемому в России все же куда слабее, чем на Западе, большинство российского населения так или иначе адаптировалось⁴. Но ни уверенности в настоящем, ни понимания перспектив – своих и страны – хотя бы на ближайшее будущее у населения не прибавилось. А это значит, что расчет властей исключительно на апатию и приспособляемость масс выявил свою ограниченность и в данном случае оказался недальновидным: готовность большинства россиян по привычке и дальше поддерживать власть становилась все более рыхлой и ненадежной. Можно интегрально охарактеризовать этот процесс как нарастание *неопределенности* в коллективных представлениях россиян о власти. Это относится к их пониманию способов и персонального состава руководства (кто и с помощью каких механизмов управляет страной?), основных направлений политики (политическая “линия”, курс), ясности и эффективности действий власти (президента, правительства), будущего страны.

Характерно, что последние месяцы перед декабрьскими выборами 2011 г. отнюдь не сопровождалось обычным подъемом общественных надежд на повышение жизненного уровня, ростом общего оптимизма, которые были характерны для прежних электоральных циклов “нулевых” лет. Напротив, по мере приближения выборов негативное отношение к партии власти, как ни парадоксально, стало нарастать, а выраженное одобрение правящему

тандему, как уже указывалось, падать. Значительное воздействие на настроения потенциальных избирателей оказала “сентябрьская рокировка” Путина и Медведева⁵. Открытое объявление о ней (да, к тому же, решенной, как оказалось, еще 4 года назад) на съезде партии “Единая Россия” 24 сентября 2011 г. стало мобилизующим фактором для более активных, критичных, образованных и самостоятельных слоев населения крупнейших городов. Напротив, оно заметно демобилизовало основную часть населения, в целом снизив его готовность и участвовать в думских выборах, и поддерживать на них “Единую Россию”. Особенно рельефно эта растущая нелояльность по отношению к партии власти проявилась в столице. Если сразу после объявления о “рокировке” преобладающая часть москвичей склонилась к отказу от участия в выборах, то к концу ноября 2011 г. уже свыше половины столичных жителей заявили о готовности прийти на избирательные участки. Однако готовность голосовать при этом за партию власти выразили только 21% москвичей (на селе – вдвое больше). В итоге за партию власти, осененную авторитетами первых лиц, проголосовали в декабре, по официальным данным, около 32 млн взрослых россиян – меньше половины тех, кто явились на выборы (49% пришедших против 64% в 2007 г.).

Что в общественной жизни страны обнаружили (обнажили) декабрьские выборы и что проявили (на что повлияли) их результаты? Во-первых, Россия, как оказалось, не едина. Она сегментирована по степени концентрации значимых ресурсов (от природных богатств до образования, квалификации, притязаний работников), по уровню и образу жизни различных групп, характеру и силе связей между людьми, политическим ориентирам и предпочтениям граждан, отношению населения к власти и представлениям о ее функциях, наконец, по мобилизационным возможностям самих властей – так называемому административному ресурсу. С помощью средств социоморфологического анализа можно было бы (и обязательно нужно) описать эти, можно сказать, несколько России, живущих в разном пространстве и времени⁶.

Второй значимый момент, выявившийся на выборах в декабре 2011 г., хотя эксперты указывали на него в течение всего второго срока президентства Путина (равно как и третьего, проведенного им “под псевдонимом” Д. Медведева): хрупкость сверхцентрализованного социально-политического порядка, построенного на “вертикали власти”, и символического единства большинства

страны, условной реальности самой этой фикции большинства, которая была сформирована посредством апелляции исключительно к фигуре первого лица. Выяснилось, что стоило В. Путину отойти от прямого руководства партией власти, как она, именуемая, напомним, “Единой Россией”, не получила на выборах и половины голосов пришедших к избирательным урнам. Достаточно сравнить даже официальные, несомненно подстроенные результаты предыдущих (2007 г.) и последних думских выборов: возглавленная на этот раз Д. Медведевым, партия потеряла, по отчетным цифрам ЦИК, 15% голосов, тогда как партии “системной оппозиции”, за которых голосовали по предложенному тем же А. Навальным принципу «за кого угодно, только не за “Единую Россию»», приобрели от 6 (“Справедливая Россия”) до 16 (ЛДПР) процентов голосов. Один из экспертов расценил случившееся как “провал российского электорального авторитаризма”⁷.

Это означало неэффективность путинской стратегии “вертикали власти” и управляемой демократии (“ручного управления”). Власть наверху почувствовала этот удар и обычными, номенклатурными средствами отреагировала на него. С должности главного политтехнолога был уволен Владислав Сурков, в экстренном порядке (стремительно приближались мартовские выборы президента!) сняли губернаторов ряда областей – Архангельской, Волгоградской, Вологодской, не обеспечивших партии власти должные высокие показатели.

Наконец, третьим моментом – и наиболее значимым в интересующем нас плане – стали широкие манифестации несогласия жителей крупнейших городов страны с официально опубликованными результатами декабрьских выборов и неудовлетворенности социально-политическим порядком, сложившимся в стране при В. Путине, а в перспективе еще ожидающим Россию в ближайшие шесть, если вообще не двенадцать, лет⁸.

В ДЕКАБРЕ И ПОСЛЕ: КТО БЫЛИ ЭТИ ЛЮДИ?

Сегодня понятно, что гражданские манифестации декабря 2011 г. и последующих месяцев стоило бы поставить в связь с разнородными проявлениями самоорганизации тех или иных групп россиян, которые имели место в стране (и прежде всего – в ее крупных городах) начиная, по крайней мере, с 2006 г., а особенно участились – с 2008-го⁹. Среди них – марши несогласных (2006–2008), трудовые протесты последних лет, про-

тестные акции 2008–2010 гг. во Владивостоке¹⁰ и в Калининграде (2009–2010), движение “Стратегия-31” (с 2009 г.), Дни гнева (2009–2010), акции по защите Химкинского леса (лето 2010 г.), “Синие ведерки” (то же лето), добровольные сообщества по ликвидации и предупреждению лесных пожаров (то же лето 2010 г.) и др. Перечисленные акции имели как политический, так и неполитический характер, были относительно разрозненными и, в сумме, не очень многочисленными; к тому же, они были скудно представлены и, как правило, официозно комментировались в популярных СМИ. Нарастающее в стране общественное возмущение проявилось также в ряде массовых собраний и уличных столкновений на этнической почве, наиболее масштабным из которых стал митинг в декабре 2010 г. на Манежной площади в Москве¹¹.

Еще одну и совершенно иную линию коллективного сплочения и демонстрации единства прочертили в этот период такие многолюдные акции, как поклонение поясу Богородицы в городах России, включая Петербург и Москву (октябрь–ноябрь 2011 г.), православное стояние в апреле 2012 г.

Если говорить о самих манифестациях протеста¹², то стоит развеять несколько стереотипов, тут же начавших складываться вокруг этих новых феноменов. Так, в выступлениях властей, а также провластно ориентированных политиков и журналистов уровень благосостояния митинговавших завышался, и слишком сильно, из чего следует – специально. Но если собравшиеся 24 декабря на проспекте Сахарова, а 4 февраля на – Якиманке и Болотной были (в сравнении, скажем, с участниками выступлений против монетизации льгот в 2005 г.) и в самом деле не бедными, то и богатыми их – опять-таки, в большинстве – тоже никак нельзя было назвать. Если среди населения страны на тот период, по условным показателям потребительского статуса, принятым в опросах Левада-Центра, количественно преобладала группа тех, кому хватает денег на еду и одежду, но покупка дорогих вещей длительного пользования – холодильника, телевизора – для них трудна (таких по стране было 46%), то митинговавшие в большинстве перешагнули на следующий уровень. Около 40% их могли, по их заявлениям, покупать такие предметы, как холодильник и телевизор, однако автомобиль был им все же не по карману – какой же это “средний класс”? Еще более высокий уровень людей обеспеченных – но и тут нельзя сказать чтобы совсем уж не стесненных в средствах – составлял среди участников примерно чет-

верть. И лишь от 3 до 5% опрошенных могли, по их оценкам, “ни в чем себе не отказывать”. Итого, в целом на манифестации вышли люди относительно обеспеченные, но отнюдь не живущие, как это пытались представить, в стране молочных рек и кисельных берегов.

Что кардинально отличало собравшихся на проспекте Сахарова, Якиманке и Болотной от населения страны в среднем и даже от жителей столицы в целом – это уровень образования. 62–63% опрошенных закончили вуз, 7–8% – два вуза либо вуз и аспирантуру. Это дает в сумме 70% высокообразованных, тогда как, по данным последней переписи, люди с высшим образованием составляют 51% живущих в столице.

По роду занятий среди участников, от 60 до 65% которых, кстати, составляли мужчины, можно выделить две наиболее значительные по величине группы – руководители (владельцы собственного бизнеса, главы отделов и т.п., в сумме они составляют 23–25%) и специалисты с высшим образованием, но без руководящих функций (36–46%). 13% – служащие (без специального образования) и рабочие. 11–12% опрошенных – студенты, столько же – пенсионеры.

Отмечу важную деталь: на всех митингах собирались *разные* люди, не сходные по возрасту (самые молодые количественно, кстати, вовсе не преобладали, 25–39-летних на площади было больше, хотя если сравнивать с возрастной структурой населения столицы, молодежь до 24-х лет шла на митинг более активно, чем люди из других возрастных групп), занятиям, доходам, политическим пристрастиям. И это очень важный фактор – рост социального многообразия, хотя бы и в относительно близких друг к другу слоях населения. Это ведь бедность принуждает людей к единообразию, толкает к зависимости от властей, а достаток, пусть даже относительный, рождает стремление к самостоятельности, умножает различия и приучает (или вынуждает) относиться к ним, по крайней мере, с терпимостью, если не с интересом.

Характерно, что наибольшая концентрация митинговавших наблюдалась в Москве и ряде других крупных городов страны. Дело не только в числе, а в том, что ресурсы информированности (доля пользователей Интернета), более качественного образования, профессиональной квалификации, жизненного успеха, социальной самостоятельности, требований уважать достоинства и права граждан сосредоточены сегодня в крупнейших городских агломерациях. Напомню, что около 60% населения страны жи-

вут при этом в малых городах, деревнях и “поселках городского типа” – поселениях с иным запасом и совсем другими жизненными ресурсами (запасом выживания, терпения), с другими возможностями самовыражения (там, среди прочего, попросту нет таких площадей и проспектов).

Если учесть, что необходимый модернизационный сдвиг или рывок – в любой его интерпретации, начиная с официальной, но ею, понятно, не заканчивая, – могут и, вероятно, будут обеспечивать именно те слои, которые собрались на открытых пространствах Москвы и других городов России, то вопрос о митингах и выборах получает далеко не только количественное измерение. У него гораздо более широкий смысл, не ограниченный нынешним и даже завтрашним днем. Вопрос о будущем: видимо, представления о нем тоже рождаются по мере роста достатка и самостоятельности, бедному бы нынешний день дожить, и главное – не было бы хуже (не лучше, а именно не хуже!).

Понятно, что большинство собравшихся на декабрьские и февральский митинг – люди, во-первых, квалифицированные, обладающие значительными ресурсами знаний, умений и, вместе с тем, заинтересованности в жизни, а во-вторых – заметно более активные, самостоятельные и успешные, чем жители России в среднем, большинство которых не поддерживают тесных отношений с другими людьми за исключением ближайших родственников (попросту говоря, не доверяют, опасаются или завидуют), надеются на опеку государства и не верят, будто могут что-то изменить в жизни своего предприятия, района, города или села. Оказывается – как это ни странно для российского уха – успех не разрушает солидарности, а, напротив, подразумевает и даже укрепляет ее, но, конечно, добровольную связь, не коллективизм из-под палки. В плане солидарности показательно, что в среднем свыше трети участников (среди самых молодых эта доля превышает 40%) получали информацию об общегражданских митингах протеста от друзей, коллег, родных, а также, с таким же охватом, в социальных сетях Интернета (среди молодежи таких уже свыше половины)¹³. Как видим, в слоях россиян, представленных на уличных манифестациях, солидарные связи есть. Что еще важнее – у них есть готовность реализовать эти связи в коллективном действии (“изменить мир”, как – с интонацией, извиняющейся за пафос, – было написано на одном из лозунгов тех месяцев). И делать это настойчиво, последовательно, шаг за шагом: по словам самих опрошенных – они, как представляется, все-таки несколь-

ко завышают свое участие, давая ретроспективные оценки, – четверть пришедших в феврале на Якиманку, были 5 декабря на Чистых прудах, 56% – на Болотной, свыше 60% – на проспекте Сахарова.

ЧЕГО ОНИ ХОТЕЛИ?

Более самостоятельные и успешные россияне ясно понимают, что возможности для дальнейшей самореализации в сегодняшней России очень ограничены. Есть потолок, выше которого они двигаться не могут, а хотели бы – тем более, желали бы они этого для своих детей. После уже упоминавшейся властной “рокировки” в верхах, когда стало ясно, что сложившиеся порядки и набор фигур, эти порядки олицетворяющих, не изменится, ощущение тупика, особенно у более молодых, честолюбивых, живущих в столице, стало, насколько можно судить, намного острее (жестко-репрессивная реакция власти на первые послевыборные митинги гражданского несогласия на Чистых прудах и Триумфальной еще более обострили ситуацию, к тому же блогосфера буквально взорвалась тогда информацией и комментариями к случившемуся¹⁴). Во-вторых, не факт, что люди смогут заработанное защитить. Для этого нет общезначимых и реально действующих социальных инструментов – таких механизмов, как законы, которые соблюдаются, суд, который независим, правоохранительные органы, которые охраняют права, а не демонстрируют собственную силу. Опять-таки, возникает вопрос о детях: удастся ли передать им достигнутое, чтобы они чувствовали себя спокойнее и попробовали шагнуть дальше?

Таким образом, у успешных людей, с одной стороны, растет самосознание, самоуважение, вера в собственные возможности. Но, с другой – усиливается ощущение незащищенности существования, чувство социального пренебрежения – и со стороны власти, и со стороны значительной части сограждан¹⁵. Не случайно многие лозунги на Болотной, на Сахарова, на Якиманке, Садовом кольце, Пушкинской, Новом Арбате выражали требование уважать людей, их достоинство, их голос, их права. Признать само их существование, право на самостоятельность и взаимодействовать с ними как с партнерами, как с нормальными людьми, а не как с баранами, массой, “бандерлогами” и т.п.¹⁶

Эти люди считают, что не зависят от власти, они ничего не просят у нее, никаких льгот им не надо: они добились того, что имеют, своей головой и руками (реплика В. Путина о том, что “это

наша заслуга, мы на это работали” – типичная для политических демагогов и экономических рейдеров тактика “перехвата” слов, лозунгов, достижений). Вышедшие на улицы и площади имеют в виду иное: власти, не мешайте, соблюдайте закон и сделайте так, чтобы то, что мы сумели построить, было защищено. Это самое главное. Социальное недовольство в данном случае носит не патерналистский характер как у большинства населения: дескать, “власть, ты нам обещала, почему же ты нам этого не даешь?”. Тут требования другие: “Мы у вас, у власти, ничего не выпрашиваем. Придерживайтесь общих законов и уважайте наши права”. Это совершенно иной по смыслу запрос и абсолютно другая по смыслу демонстрация.

Если в начале, в декабре 2011 г., вышедших на площади и проспекты людей сплавивал сложный комплекс чувств и оценок, главным в котором было недовольство сложившимся социально-политическим режимом, “управляемыми” выборами, неуважением со стороны власти, ощущением, что все разговоры о “модернизации” – не более чем блеф, то собравшиеся в феврале и начале марта нынешнего года, поддерживая все требования прежних митингов, были сплочены более ясным пониманием, что установившийся режим с его сращением бизнеса и власти, чиновной коррупцией, силовым произволом и пропагандистской ложью олицетворен главной фигурой сегодняшней политической сцены и массмедиа. Основным антигероем февраля был Владимир Путин, все – проблемы, оценки, требования манифестантов – сошлись на нем. И это понятно: вскоре ожидалась президентские выборы, а они в России новейшего времени, с середины девяностых, значат куда больше, чем думские, и особенно усугубилась эта конструкция, конечно, уже в нулевые, при Путине. Так что направленность выступлений со сцены и лозунгов на площади, не утратив прежней изобретательности и веселости (кто-то в прессе писал даже о “масленичных гуляньях”), сместилась в эту, вполне практическую, сторону.

Свыше 90% прошедших в феврале по Якиманке и собравшихся на Болотной разделяли требования принять новое, демократическое законодательство о партиях и выборах, отменить итоги нечестных выборов в Думу и провести новые досрочные выборы, зарегистрировав все оппозиционные партии, отправить в отставку главу ЦИК Владимира Чурова (он был вторым антигероем улиц и площадей). Опять-таки свыше 90% поддерживали лозунг

“Ни одного голоса Владимиру Путину на предстоящих выборах”. 85% требовали освободить всех политических заключенных (а их в стране на тот момент было, по подсчетам правозащитников, не менее ста двадцати).

ЗА КОГО ОНИ ГОЛОСОВАЛИ И СОБИРАЛИСЬ ГОЛОСОВАТЬ?

От митинга к митингу масса собравшихся представляла все разнообразнее по социально-демографическому составу и политическим предпочтениям, а настроения, лозунги и выступления становились все более политизированными. Если говорить о симпатиях и взглядах, то самые большие группы манифестантов в феврале составляли, по данным нашего опроса, сторонники “демократов” (30%) и “либералов” (27%), “коммунистов” (18%, в старших возрастных группах их число доходило до трети) и “национал-патриотов” (14%, среди самых молодых, до 24-х лет, эта доля, отмечу, была вдвое больше, 28%).

Деление манифестантов по голосованию за партии на декабрьских выборах 2011 г. дает похожую структуру предпочтений, но вносит и некоторые уточнения (около четверти опрошенных испортили бюллетени, не пошли голосовать и не помнят либо не хотят говорить, как голосовали). Здесь также выделялись две ведущие группы: электорат “Яблока” (25% опрошенных, среди людей среднего возраста – от четверти до 36%) и КПРФ (24%, часть отдала голоса по принципу “только не за ЕР”, поэтому доля голосовавших за партию выше процента тех, кому, по их же ответам, близки коммунистические взгляды). 12% отдали голоса ЛДПР (среди самых молодых – 23%), 11% – “Справедливой России”. Меньше 2% голосовали за “ЕР”, столько же – за “Правое дело”, в пользу “Патриотов России” вообще проголосовали лишь около процента опрошенных.

Примерно в ту же структуру укладывались и ответы о голосовании на предстоящих тогда мартовских выборах президента. В сумме около 30% опрошенных не собирались приходить на выборы либо пока не решили, придут ли голосовать и за кого. 12% думали прийти и испортить бюллетень. Собственно лидеров предстоящего президентского марафона, по оценкам остальных собравшихся, было два: Геннадий Зюганов (23% опрошенных в феврале, среди самых старших участников – 34%) и Михаил Прохоров (20%, чуть больше – до 24% – среди самых молодых).

Таблица 3

Поддерживаете ли вы акции протеста против фальсификации результатов выборов и против нынешнего руководства России?

	Янв 2012	Февр 2012	Март 2012	Апр 2012
полностью поддерживаю	10	11	7	12
скорее поддерживаю	28	34	25	26
скорее не поддерживаю	26	29	28	32
совершенно не поддерживаю	19	14	23	14
затрудняюсь ответить	18	11	16	15

Таблица 4

Если в ближайшие недели в вашем городе или районе пройдут новые подобные акции протеста, примите ли вы в них участие или нет?

	Янв 2012	Февр 2012	Март 2012
определенно да	2	4	2
Скорее да	10	14	6
Скорее нет	30	32	30
определенно нет	49	42	48
затрудняюсь ответить	9	8	14

Сергею Миронову собирались отдать свои голоса 7%, Владимиру Жириновскому – 5%.

При этом две трети митинговавших в феврале 2012 г. были твердо уверены, что будут участвовать в новых демонстрациях и протестных движениях, еще четверть считали, что “скорее всего” примут в них участие. В сумме это дает, опять-таки, свыше 90% собравшихся. Добавлю, что 12–15% взрослого населения России были тогда готовы, по их словам, принять участие в подобных акциях. В последующие месяцы коллективное выражение поддержки манифестантам осталось на прежнем уровне, готовность же к собственному участию среди россиян снизилась.

Конечно, на улицы и площади Москвы и нескольких других крупных городов, выходило *меньшинство меньшинства*. Вряд ли даже самые многолюдные манифестации, которые были в столице, намного превышали 100–120 тысяч человек¹⁷. В количественном отношении это, конечно, значительно уступает тому, что, например, имело место в 2004 г. в Киеве, если сделать поправку на общее количество населения в каждой из двух столиц. Но не

одно количество тут важно (скорее, *количественной* в последние месяцы была как раз тактика властей – подавить числом, собрать на Поклонной горе и в других местах больше, чем собралось на Болотной или проспекте Сахарова). Не менее существенны механизмы, которые объединили манифестантов, и ресурсы, которыми они владели.

Социологами не раз отмечалось, что для российского социума сегодня характерен дефицит доверия людей друг к другу и солидарности с другими. На манифестации же вышли люди, которые проявили и другие социальные, культурные, цивилизационные черты, которые с середины 1990-х годов были в России редкостью. Если помножить “меньшинство меньшинства” на уровень и качество образования манифестантов, их квалификацию и активность, готовность к конкуренции и умение руководить, способность принимать решения и доводить их до реального дела, коммуникативные возможности и связи (от активности пользования Интернетом и включенности в современные медиа до владения иностранными языками и реального опыта учебы и работы за рубежом), солидарные отношения с другими людьми и т.д., то понятно, что эти десятки, много – сотни тысяч представляют в потенции немалую силу.

Конечно, вышедшие на манифестации – не вся Москва, а Москва – не вся Россия. Но это только значит, что в дальнейшем нужно наводить мосты между активистами московских манифестаций, гражданскими активистами, общественными организациями, пока еще не огосударствленным средним бизнесом в других городах и, наконец, другими группами населения с их интересами и проблемами, иными словами – искать пути между страной и столицей. Пока же можно сказать, что нынешняя власть не приняла всерьез, не сделала заинтересованным партнером, больше того – оттолкнула от себя значительную часть того продвинутого электората, который мог бы дать новые импульсы модернизации страны и служить опорой этого процесса. Замечу, что принятая властями после инаугурации “нового” президента репрессивная тактика в отношении лидеров манифестаций не имеет поддержки населения в целом и, в частности, населения Москвы. Так, по опросу москвичей в июне 2012 г. (N = 500 человек), две трети их не поддерживают принятые Думой и Советом федерации экстренные поправки, которые ужесточают наказание за нарушения при проведении митингов и манифестаций, вводя,

в частности, непомерные штрафы; так или иначе положительно оценивают эти поправки менее 20% опрошенных. Свыше двух третей московских респондентов считают, что спешное принятие этих поправок связано с тем, что “власть боится роста протестной активности”. Лишь 3% москвичей признали, что протестные акции создают для них серьезные проблемы, две трети не видят в этом никаких проблем, а 15% считают, что власти выдумали несуществующие проблемы, чтобы воспрепятствовать проявлениям протеста.

Между тем, убежденность в некомпетентности, нелегитимности, неэффективности и безответственности режима, которую манифестанты за последние полгода принесли с собой на улицы и площади, транслировали через радио и телевидение, явно вышла за круги только лишь “своих”. Она так или иначе будет распространяться дальше – как в разные слои населения, так, допуская, и в различные отсеки власти, тем более что многие из манифестантов включены в экспертную и консультативную практику, деятельность массмедиа, работу институтов культуры, системы образования.

ПОСЛЕ МАРТА И МАЯ

В какой ситуации сегодня та Москва и та Россия, которая и выходила и не вышла на митинги? Что за порядок устанавливается после президентских выборов и майской инаугурации президента? Фактор № 1 здесь, конечно, фигура самого Путина. На вопрос социологов: “Как вы считаете, виновен ли Путин в тех злоупотреблениях властью, в которых его обвиняют противники?”, только 11% взрослого населения страны отвечают, что не верит этим обвинениям. Еще процентов 15 затрудняются с ответом. А остальные три четверти так или иначе допускают мысль, что первое лицо противозаконно использует власть в собственных интересах или даже твердо в это верят. Как видим, у властных верхов сегодня есть проблемы с легитимностью, равно как с авторитетностью, эффективностью действий¹⁸. Не исключаю, что они в ближайшее время – скажем, ближайшей осенью и зимой – будут проявляться и даже обостряться. Кстати, если говорить о выборах президента и “возвращении” Путина, то и в этом ничего триумфального нет. Можно грубо, округленно подсчитать результаты (темы административного ресурса, вброса бюллетеней, фальсификации результатов сейчас не поднимаю¹⁹): 60% взрослого населения пришли, из них 60% проголосовали за кандида-

та № 1. Итого, около 45 миллионов взрослого населения в итоге высказались за эту кандидатуру. И это при возможности голосования примерно для 110 миллионов включенных в список российских избирателей. Понятно, что ни о какой подавляющей поддержке, безальтернативном одобрении речи тут нет.

И все же при этом 55–60% принимают существующую сегодня в стране ситуацию, больше того – хотят верить, что она такой и останется. Одни – поскольку не видят альтернатив, вторые считают, что все альтернативы наверняка будут хуже, или, по крайней мере, не лучше, третьи – еще по каким-то причинам. Но 35–40% населения, во-первых, не считают ситуацию в стране стабильной, а оценивают ее как напряженную и потенциально конфликтную, во-вторых, не удовлетворены собственным положением и, в-третьих, не доверяют власти, полагая, что она плохо справляется со своими обязанностями.

Утверждение, что общество “расколото” на два лагеря, которым снова и снова пугают страну официальные лица и официозные медиа, не более чем пропагандистский жупел. Это, скорее, сосуществование знакомого социологам по “нулевым” годам адаптивно-равнодушного, привыкающего большинства населения и – новый момент! – встревоженного, хотя еще не вздыбленного меньшинства, уступающего ему по объему, но уже количественно значительного и, что важно, понемногу обретающего “голос” – формы публичного выражения. Еще один новый фактор, о котором уже шла речь, это “меньшинство меньшинства” крупных городов, но с очень серьезными ресурсами (образование, квалификация, готовность к конкуренции и определенная успешность – позитивный опыт достижения и поддержки, внутренняя солидарность, включенность в “большой мир”) и с серьезными заявками не то чтобы на изменение ситуации, но, по крайней мере, на продумывание и выработку альтернатив.

В чем состоят эти пока еще не очень уверенно нащупываемые альтернативы? Принято считать, что в последние месяцы имело место движение за честные выборы. Это в большой мере так. Но, по нашим опросам на митингах, главным был все же не этот фактор – главной была неудовлетворенность всем сложившимся социально-политическим порядком. Что за этим стоит? Во-первых, непрозрачность нынешней власти при ее претензиях на повсеместность и неограниченность (в конечном счете, ту же тоталитарную исключительность и чрезвычайность, пусть и в ослабленном до вялого, потасканного авторитаризма виде);

во-вторых, непонятность, закрытость механизмов принятия решений, проведения их в жизнь, и, в-третьих, несменяемость власти, а уже отсюда – требование конкурентных выборов. Замечу, в качестве дополнения к уже сказанному, что на улицы и площади в последние полгода вышли люди, которые по преимуществу не боятся конкуренции, которые так или иначе с успехом прошли через конкуренцию и хотели бы конкуренции в политическом, экономическом, культурном плане. А, как известно, современное общество в развитых странах держится на институтах, построенных на принципе конкуренции. Это состязательная политическая система, состязательный суд, состязательная система образования, состязательная система средств массовой информации и так далее, уж не говорю о рынке как социальной системе.

Еще одно важное требование “площади” – запрос на нормальную работу современных институтов. Прежде всего, на работу суда. Социологические исследования раз за разом фиксируют в российском социуме и его “продвинутых” группах высокую неудовлетворенность судом, осознание реальной незаконности сложившегося социально-политического, социально-экономического порядка, острое сознание произвола власти и своей неспособности найти управу на власть, допускающую такой объем произвола²⁰.

Таким образом, можно сказать, что события последних месяцев в России, с одной стороны, отметили серьезное истощение сложившейся в “нулевые” годы системы власти, форм ее взаимоотношения с населением и разными его группами. В данном плане допустимо говорить о

- конце “стабильности”,
- конце “безальтернативности” и
- конце равнодушно-адаптивного принятия власти и созданного ею социально-экономического и социально-политического порядка большинством (конец самой этой социально-сконструированной фикции подавляющего большинства, “рассеянной массы”).

Вместе с тем, за это время публично проявились отдельные принципиально новые явления, характеризующие социально-экономический, политический, культурный порядок в России. Наметились некоторые признаки претендующих на самостоятельность и влияние групп, сил, движений, которые как будто способны предложить некоторые альтернативы (я бы не сказал, что они их уже аргументированно и убедительно предложили). Они, как

представляется, еще слабо оформлены, им недостает системности. Сегодня разные группы, разные слои, составляющие меньшую, но более активную и неудовлетворенную часть населения, находятся, скорее, в состоянии брожения. Это еще не похоже на социальное движение, но, кажется, уже есть какие-то претенденты на роль “закваски”. Будут ли их претензии признаны, сумеют ли они сами провести их так, чтобы их признали значимые группы населения, включая СМИ, которые должны будут выработать интересные и адекватные формы показа этих людей, а не площадки, где участники дискуссий орут друг на друга, не слушают никого, кроме себя, а ведущий с садистическим удовольствием стравливает их, пока не очень понятно.

Чуть больше четверти опрошенных после мартовских выборов (27%) полагают, что манифестации протеста понемногу сойдут на нет. Чуть меньшая доля (23%) надеется, что власти будут постепенно улучшать положение дел в стране, чтобы не допустить острых конфликтов (23%). 16% не исключают, что протесты приведут к переменам во власти или к возникновению новой сильной партии, которая сможет выиграть следующие выборы, а далее и демократизировать политическую систему. 10% – явное меньшинство – готовы предположить, будто Путин и правящая верхушка окажутся вынужденными начать реформы ради того, чтобы удержать власть.

Перспективы послевыборного развития политической ситуации остаются для россиян неясными, в их представлениях о будущем явно преобладает инерционная компонента²¹. Две трети (опрос в марте 2012 г.) полагают, что после возвращения в кресло президента Путин будет продолжать ту же политику, которую он проводил до сих пор. Меньше 4% уверены в том, что это будет совершенно новая политика. Однако при этом относительное большинство россиян (53%) склоняются к мысли, что сосредоточение всей полноты власти в руках у Путина “пойдет на благо России” – чаще других так думают респонденты со средним уровнем дохода и образования, жители средних городов и села; в Москве таких, что показательно, – меньше трети, 32%. Треть же россиян (а среди москвичей – 44%) полагают, что это не сулит России ничего хорошего. Таким образом, антипутинские настроения охватывают сегодня от четверти до двух пятых населения.

Характерно, вместе с тем, что лишь 17% россиян хотели бы, чтобы Путин остался президентом на два срока, до 2024 г. Еще 6% хотели бы, чтобы его на второй срок заменил Д. Медведев. Но

относительное большинство – 43% – предпочли бы видеть президентом совсем другого человека (34% – значительная доля – затруднились ответить, кого они хотели бы видеть будущим главой страны).

Конечно, *реальная опора* Путина (и россияне в массе и по отдельности это отчетливо понимают) – силовики, директора, крупные предприниматели, бюрократическая верхушка. Но *символическую поддержку* режиму оказывает прежде всего пассивное, ориентированное на адаптацию население средних и малых городов, поселков городского типа, составляющее основу той России, которая сохраняет принципиальные черты советской индустриализации и государственной планово-распределительной экономики. Это прежде всего люди, занятые в госсекторе, пенсионеры и некоторые другие категории населения, зависящие от государственной бюрократии, хотя и постоянно, но смутно недовольные ею. Эти люди хотели бы не реформ, а дополнительных гарантий, что их жизнь не будет ухудшаться, – ведь они, в силу своего положения, вообще предпочитают гарантии и не очень ценят возможности. А гарантии, с их точки зрения, может дать только все то же государство, институтам которого они не доверяют, но которое, за неимением альтернатив собесу и полиции, Минздраву и Минтрансу, вынужденно и пассивно поддерживают.

¹ Последняя на нынешний день манифестация состоялась в День России 12 июня 2012 г.

² Первые попытки собрать и проанализировать собственно культурный материал, активизированный в манифестациях 2011–2012 гг., см. в публикациях: Азбука протеста: Народный плакат / Сост. В.Ф. Лурье. М., 2012; Протестные митинги в декабре 2011 г.: опыт оперативного исследования // Антропологический форум. 2012. № 16. (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online/>).

³ Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. Т. 14, № 4/5. С. 14.

⁴ О массовом восприятии кризиса по данным всероссийских опросов Левада-Центра см.: Красильникова М.Д. Хроника экономического кризиса в оценках масс // Вестник общественного мнения. 2009. № 1. С. 28–39; Она же. Население в кризисе: отложенные уроки // Там же. 2009. № 4. С. 69–77.

⁵ Властные элиты безропотно, а многие, вероятно, с одобрением или, по крайней мере, облегчением приняли этот маневр; кажется, единственной обнародованной реакцией несогласия “наверху” стал уход из правительства Алексея Кудрина, публично заявившего: “24 сентября определилась структура власти в нашей стране на длительную перспективу. Определился и я...” (<http://www.kommersant.ru/doc/1782592>).

⁶ В социально-географическом плане такое описание предложено Натальей Зубаревич в ее статье “Четыре России” (Ведомости. 2011. 30 декабря – http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii), “Современная Россия: география с арифметикой” (“Отечественные записки”. 2012. № 1 – http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii).

- magazines.russ.ru/oz/2012/1/z8.html), а также ряде устных выступлений. О принципиальных категориях социально-морфологического анализа см.: *Левада Ю.* К проблеме изменения социального пространства–времени в процессе урбанизации [1976] // Он же. Статьи по социологии. М., 1993. С. 39–49.
- ⁷ *Гельман В.* Трещины в стене // Pro et Contra. 2012. Т. 16, № 1/2. С. 108.
- ⁸ Систематизированную общую информацию в хронологическом порядке от сентября 2011 до марта 2012 г. см.: Мечтатели: История протеста от Чистых прудов до Нового Арбата // <http://white.lenta.ru>. Материалы опросов Левада-Центра в декабре 2011 – июне 2012 г. по данной теме см.: <http://www.levada.ru/protestnye-dvizheniya-2011-2012>.
- ⁹ См. об этом: *Волков Д.* Рост общественной активности в России // Вестник общественного мнения. 2011. № 2. С. 8–28.
- ¹⁰ Приведшие, в частности, к оформлению Товарищества инициативных граждан России (ТИГР); см.: <http://tigru.org/>.
- ¹¹ См.: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2010/12/17/801993.html>.
- ¹² Далее приводятся данные двух опросов, проведенных Левада-Центром среди манифестантов в Москве 24 декабря 2011 и 4 февраля 2012 г. Количество опрошенных по случайной выборке, соответственно, равно 791 и 1346 человекам. Статистическая погрешность не превышает 4,8 и 5,2%.
- ¹³ В обсуждении протестных митингов последнего времени феномен Интернета, по-моему, нередко гипостазиируют, а его роль искажают и преувеличивают. Все же он – не форма связи (группа, движение, институт), а ее средство. Это орудие быстрого оповещения, инструмент информирования я бы, скорее, уподобил языку – как всякий язык (родной, профессиональный, блатной и проч.), он, понятно, может выступать еще и символом связи. Формула “Россия IT против России TV”, с помощью которой иногда описывают феномены социальной солидарности россиян в последние месяцы, конечно, хлесткая, наглядная и по-своему схватывает происходившее, но, говоря строго социологически, формы взаимодействия и солидарности возникают (если возникают) и удерживаются (если удерживаются), конечно, в реале. См. Об этой проблеме: *Lonkila M.* Russian Protest On- and Offline // <http://www.fiaa.fi/en/publication/244/>.
- ¹⁴ Напомню, что 6 декабря, после митинга днем раньше на Чистопрудном бульваре и жесткого преследования его участников, в столицу были введены внутренние войска – акция, тут же широко прокомментированная в сети (<http://www.rbcdaily.ru/2011/12/06/focus/562949982225251>).
- ¹⁵ Этот диссонанс фиксировался в социологических опросах “продвинутых” групп россиян, см.: *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* “Средний класс” asif: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения. 2008, № 3 (95). С. 27–41; *Они же.* Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива: причины, намерения, действия // Там же. 2011, № 4 (110). С. 46–80.
- ¹⁶ Еще раз возвращаю к сводам словесных и изобразительных материалов, упомянутым в примеч. 1.
- ¹⁷ Скажем, анализирувавший фотографии митингов Антон Олейник говорит о не менее чем 85–90 тысячах участников манифестации 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова, не считая тех, кто пришел на митинг уже после его начала, и тех, кто его покинул задолго до формального завершения; см.: *Олейник А.* Кто эти мужчины и женщины на фотографии? Контент-анализ фотографий массовых протестов // Вестник общественного мнения. 2012, № 2 (112).

- ¹⁸ Напомню об инциденте в столичном спортивном комплексе “Олимпийский” 20 ноября 2011 г., когда Путина, вышедшего поздравить победителя в борцовском поединке, встретили свистом, гулом и неодобрительными криками. Дело, конечно, не просто и не только в эмоциях разгоряченной публики, а в той растерянности, трусости и холуйстве, с какими себя повели в ответ на это официальные лица – дирекция комплекса, пресс-секретарь Путина, провластные масс-медиа и др.
- ¹⁹ См. об этом подробнее: *Гудков Л.* На зеркало неча пенять, коли рожа крива // *Вестник общественного мнения.* 2012, № 1 (111). С. 109–117.
- ²⁰ См.: *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* Российская судебная система в мнениях общества // *Вестник общественного мнения.* 2010, № 4. С. 7–43.
- ²¹ Подробнее см.: *Гудков Л.* Президентские выборы в России 2012 года: пост-электоральный анализ // <http://www.levada.ru/books/prezidentskie-vybory-v-rossii-2012-goda>.